

Он умолк, вопросительно глядя на нее, — от этого взгляда у Эммы подломились колени.

— Милая моя, дорогая, — сказал он. — Дорогая навеки, каков бы ни был исход этого разговора, — дорогая моя, любимая Эмма, скажите прямо. Нет так нет, прямо так и скажите... — Эмма была не в силах произнести ни слова. — Вы молчите! — воскликнул он, ожидая. — Вы не сказали «нет»! О большем я пока не прошу.

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-4987-5

9 786171 249875

Джейн Остин

Эмма

Джейн Остин

Эмма

A decorative border of a floral wreath surrounds the text. It features thin, winding lines with small, dark, oval-shaped leaves and stylized roses with spiral centers. The background is white with scattered small dots.

Джейн Остин

Эмма

ХАРЬКОВ КЛУБ
2018 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

ББК 821.111
О-76

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Перевод с английского *Марии Кан*

Дизайнер обложки *Алина Ачкасова*

ISBN 978-617-12-4987-5

- © Н. Эрнестус, наследники, перевод на русский язык, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке и художественное оформление, 2018

Книга 1

Глава 1

Эмма Вудхаус, красавица, умница, богачка, счастливого нрава, наследница прекрасного имения, казалось, соединяла в себе завиднейшие дары земного существования и прожила на свете двадцать один год, почти не ведая горестей и невзгод.

Младшая из двух дочерей самого нежного потатчика-отца, она, когда сестра ее вышла замуж, с юных лет сделалась хозяйкою в его доме. Ее матушка умерла так давно, что оставила ей лишь неясную память о своих ласках; место ее заступила гувернантка, превосходная женщина, дарившая своих воспитанниц поистине материнскую любовь.

Шестнадцать лет прожила мисс Тейлор в доме мистера Вудхауса, более другом, нежели гувернанткой, горячо любя обеих дочерей, но в особенности Эмму. С нею у нее завязалась близость, какая чаще бывает у сестер. Мисс Тейлор, даже до того, как формально сложить с себя должность гувернантки, неспособна была по мягкости характера принуждать и обуздывать; от всякого намека на ее власть давно уже не осталось и следа, они жили вместе, как подруга с подругой, храня горячую обоюдную привязанность; Эмма делала, что ей вздумается, высоко ценя суждения мисс Тейлор, но руководствуясь преимущественно своими собственными.

Здесь, правду сказать, и таился изъян в положении Эммы; излишняя свобода поступать своевольно, склонность излишне лестно думать о себе — таково было зло, грозившее омрачить многие ее удовольствия. Покамест, впрочем, опасность была столь неприметна, что Эмма ни в коей мере не усматривала в этом ничего дурного.

Явилась скорбь — нежная скорбь, — однако вовсе не в образе горького прозрения. Мисс Тейлор вышла замуж. Утрата мисс Тейлор и сделалась для Эммы причиной первого горя. В день свадьбы милого друга Эмма впервые долго сидела, погруженная в унылое раздумье. Свадьба кончилась, собравшиеся разошлись, и они с отцом сели обедать вдвоем, уже не чая, что присутствие третьей скрасит им долгий вечер. После обеда родитель Эммы расположился, по обыкновению, соснуть, а ей оставалось теперь только сидеть и думать о том, чего она лишилась.

Сегодняшнее событие, судя по всему, обещало стать счастливым для ее друга. Мистер Уэстон был человек безупречной репутации, состоятельный, подходящего возраста и с приятными манерами; к тому же некоторое удовлетворение заключала в себе мысль о том, с каким великодушным дружеским бескорыстием она всегда сама желала этого брака и способствовала ему; но мрак в душе ее не рассеивался. Всякий день и час ощутительно будет отсутствие мисс Тейлор. Ей припомнилась неизменная доброта — доброта и ласка целых шестнадцать лет, — то, как ее с пятилетнего возраста учили, как играли с нею, как, не жалея сил, привечали ее и забавляли, когда она была здорова, как ухаживали за ней, когда она болела разными детскими болезнями. Уже это обязывало ее к великой благодарности, но еще дороже, светлее была память об их отношениях в последние семь лет, на равной ноге и совершенно откровенных, которые установились меж ними вскоре после того, как Изабелла вышла замуж и они оказались предоставлены самим себе. Немногие могли бы похвалиться такою подругой и наперсницей; разумная, образованная, умелая, она до тонкости знала весь обычай семейства, принимала к сердцу все его заботы, а особенно — все, что касалось до Эммы, малейшее ее удовольствие, малейшую затею; ей можно было поверить всякую мысль, какая бы ни зародилась в голове, ее любовь все оправдывала и все прощала.

Как снести эту перемену? Правда, ее друга будет отделять от них всего полмили, но Эмма понимала, сколь велика должна быть разница меж миссис Уэстон, хотя бы и в полумиле от них, и мисс Тейлор у них в доме; при всех преимуществах, природных и благоприобретенных, ей теперь угрожала прямая опасность страдать от духовного одиночества. Она всем сердцем любила отца, но его общества ей было мало. Он не мог быть для нее достойным собеседником в серьезном или шутовском разговоре.

Такая досадная помеха, как различие в возрасте (а мистер Вудхаус женился немолодым), весьма усугублялась состоянием его здоровья и привычками; будучи всю жизнь рыхлым, болезненным, не упражняя достаточно ум и тело, он был по всей повадке своей много старше своих лет и, любимый повсюду за сердечность и добродушный характер, не блистал никакими талантами.

Сестра ее, оторванная от них замужеством, жила сравнительно недалеко, в Лондоне, в каких-нибудь шестнадцати милях¹, но была все же недосыгаема для повседневного общения; не один тягостно долгий вечер предстояло Эмме скоротать в октябре и ноябре, прежде чем Рождество опять приведет в их опустелый дом Изабеллу с мужем и малыми детьми и вновь подарит ей приятное общество.

Хайбери — обширное и многолюдное селение, только что не город, коего часть, несмотря на отдельную лужайку возле дома, живую изгородь и название, составлял Хартфилд, — не мог ей предложить равных. Вудхаусы были тут первыми по положению. На них взирали с почтительностью. Со многими в здешних местах Эмма водила знакомство, ибо учтивость отца ее не допускала исключений, но ни один и на полдня не заменил бы ей мисс Тейлор. Печальная то была перемена, и Эмма невольно вздыхала, думая о ней и давая волю несбыточным мечтам, куда отец своим

¹ Одна миля равна около 1,6 км, 16 миль составляют около 25,6 км.

пробуждением не напомнил ей о необходимости сохранять беспечный вид. Дух его нуждался в поддержке. Человек он был слабонервный, легко впадал в хандру, благоволил ко всем тем, к которым привык, терпеть не мог с ними разлучаться и вообще не терпел никаких перемен. Супружество, как изначальная причина перемен, всегда внушало ему неприязнь; он далеко еще не смирился с замужеством родной дочери, отзывался о ней не иначе как с состраданием, хотя та вышла замуж единственно по любви, и вот его уже принуждали расстаться также с мисс Тейлор; по привычке к безобидному эгоизму, не в состоянии предположить, что другие могут иметь чувства, отличные от его собственных, он предпочитал держаться того взгляда, что мисс Тейлор повредила своим поступком не только им, но ничуть не меньше самой себе и была бы не в пример счастливее, когда бы до конца дней своих оставалась в Хартфилде. Эмма улыбалась и как могла весело болтала, силясь отвлечь его от подобных мыслей, однако когда подали чай, у него вырвались опять те же слова, которые были им сказаны за обедом:

— Бедная мисс Тейлор! Желал бы я видеть ее теперь с нами. Какая жалость, что мистеру Уэстону вздумалось взять ее на примету!

— С этим нельзя согласиться, папа, вы знаете, что нельзя. Мистер Уэстон такой прекрасный, милый человек, такая добрая душа, что, без сомненья, достоин иметь хорошую жену, и признайтесь, разве лучше было бы мисс Тейлор век жить у нас, терпеть мои странности и причуды, имея возможность жить собственным домом?

— Собственным домом! Что пользы в собственном доме?! Наш в три раза больше, а странностей и причуд, душа моя, за тобой никогда не водилось.

— Подумайте, как часто мы будем навещать их, а они — нас! Мы будем видеться постоянно! И начать надлежит нам. В самом скором времени нам следует нанести новобрачным первый визит.

— Куда мне, душенька, пускаться в эдакую даль? До Рэндалса путь неблизкий. Мне и половины не одолеть.

— Да, папа. Никто и не помышляет о том, чтобы вам идти пешком. Разумеется, нам нужно ехать в карете.

— В карете! Но Джеймс будет не слишком рад гонять лошадей взад и вперед из-за столь ничтожного расстояния, да и куда им, бедняжкам, деваться, покуда мы будем сидеть в гостях?

— Их отведут в конюшню мистера Уэстона, папа. Все это мы уже уладили, вы знаете. Обо всем вчера вечером договорились с мистером Уэстоном. А что до Джеймса, то можете быть совершенно уверены, он будет всегда рад случаю съездить в Рэндалс, где его дочь служит в горничных. Более того, я сомневаюсь, захочет ли он возить нас куда-либо еще. А ведь это ваших рук дело, папа. Это вы пристроили Ханну на такое хорошее место. До вас никому не приходило в голову назвать Ханну, вы догадались первым — Джеймс так вам обязан!

— Я и сам доволен, что вспомнил о ней. Очень получилось удачно, иначе бедный Джеймс, пожалуй, вообразил бы, будто им пренебрегают, чего я не мог допустить ни под каким видом, — а из нее, я верю, выйдет славная горничная, девушка она обходительная, услужливая — я о ней самого лучшего мнения. Когда бы ни повстречался с нею, непременно присядет, осведомится о здоровье, да так приветливо, а когда ты зовешь ее к нам рукодельничать, то она, я заметил, ни за что не хлопнет дверью, а повернет ручку и закроет дверь как следует. Уверен, что из нее получится отличная служанка, и для бедной мисс Тейлор будет большим утешением видеть подле себя привычное лицо. Знаешь ли, всякий раз, как Джеймс будет ездить к дочери, она получит известие о нас. Он может рассказывать ей, как мы здесь поживаем.

Эмма не жалела усилий, стараясь удерживать ход его мыслей в этом, более отрадном направлении, и надеялась,

что сумеет с помощью триктрака¹ благополучно провести отца через подводные камни этого вечера, не осаждаемая ничьими сожалениями, помимо своих собственных. Уже и столик был вынесен для триктрака, но он оказался не нужен, ибо сразу же вслед за тем в дверь вошел посетитель.

Мистер Найтли, рассудительный господин тридцати семи или восьми лет, был не только старинный и близкий друг семейства Вудхаусов, но даже состоял с ними в свойстве², приводясь старшим братом Изабеллину мужу. Жил он в миле от Хайбери и был у них частым гостем, неизменно желанным, а тем более желанным сегодня, когда он приехал прямо от общей их родни в Лондоне. Пробыв в отъезде несколько дней, он вернулся к позднему обеду, а потом отправился пешком в Хартфилд сообщить, что на Бранзуик-сквер³ все живы и здоровы. Эта весть прилась как нельзя более кстати и на некоторое время привела мистера Вудхауса в оживление. Бодрое обращение, отличавшее мистера Найтли, всегда действовало на него благотворно; на многочисленные расспросы о «бедняжке Изабелле» и ее детях он получил ответы самые обнадеживающие. Когда с этим было покончено, мистер Вудхаус с благодарностью заметил:

— Как это мило с вашей стороны, мистер Найтли, что вы решились покинуть дом в столь поздний час и навестить нас. Боюсь, что вы нашли дорогу прескверной.

— Отнюдь, сэръ. Вечер нынче выдался ясный, лунный, а теплынь такая, что мне лучше будет отодвинуться от вашего жаркого камина.

— Но на дворе, должно быть, сырость и слякоть. Как бы вам не простудиться.

¹ Триктрак — французское название настольной игры, известной также как нарды.

² Свойство — отношения людей, возникшие в результате брака, отношения одного из супругов с родственниками другого, а также между родственниками обоих супругов. Свойственники не состоят в кровном родстве между собой.

³ Бранзуик-сквер — фешенебельный район Лондона.

— Слякоть, сэр? Взгляните на мои башмаки. На них ни пятнышка.

— Гм, это, право же, удивительно, ведь у нас тут прошел сильный дождь. Полчаса лил как из ведра, когда мы завтракали. Я уж было хотел, чтобы отложили свадьбу.

— К слову сказать, я не поздравил вас с радостным событием. Живо представляю себе, какого сорта радость вы оба должны испытывать, и оттого не торопился с поздравлениями, но надеюсь, все сошло более или менее гладко. Хорошо ли вы все держались? Кто плакал горше всех?

— Ах! Бедная мисс Тейлор! Как это все прискорбно.

— Бедные мистер и мисс Вудхаус, если угодно, но называть «бедною» мисс Тейлор я никак не могу. Как ни высоко ценю я вас и Эмму, но когда стоит вопрос о зависимом положении или независимости... Во всяком случае, вероятно, лучше, когда приходится угождать одному, а не двоим.

— Особенно если в числе этих двоих имеется столь своенравное, докучливое существо, — игриво подхватила Эмма. — Вот что у вас на уме, я знаю, и *что* вы непременно сказали бы, не будь здесь моего батюшки.

— Что ж, это справедливо, душа моя, — со вздохом проговорил мистер Вудхаус. — Боюсь, что я и точно бываю по временам несносно своенравен и докучлив.

— Голубчик папа! Ужели вы могли подумать, будто я подразумеваю вас или предполагаю, что это о вас так отозвался бы мистер Найтли? Что за чудовищная мысль! Нет, нет! Я подразумевала только себя. Вы знаете, мистер Найтли любит находить во мне недостатки — шутки ради, — все это шутка, не более того. Мы всегда говорим друг другу все, что вздумается.

Мистер Найтли действительно был из тех немногих, кто умел видеть в Эмме Вудхаус недостатки, и единственный, кто отваживался говорить ей о них; это было не слишком приятно для самой Эммы, но во много раз неприятнее было

бы для отца ее, и она, зная это, не давала ему повода заподозрить, что кто-то не считает ее совершенством.

— Эмма знает, я никогда ей не льщу, — сказал мистер Найтли, — впрочем, я не имел намерения никого порицать. Мисс Тейлор привыкла угождать двум людям — теперь у нее будет один. Скорее всего она останется в выигрыше.

— Итак, — сказала Эмма, предпочитая уклониться от этой темы, — вы желали слышать о свадьбе. Извольте, я расскажу вам с большим удовольствием, ибо все мы вели себя примерно. Каждый был точен, каждый выглядел как нельзя лучше — ни единой слезинки, почти ни одной вытянутой физиономии. О нет — мы помнили, что между нами пролягут всего лишь полмили, и укрепляли себя уверенностью, что будем видеться каждый день.

— Милая Эмма всегда так прекрасно держится, — молвил ее отец. — На самом деле, мистер Найтли, она ужасно огорчена утратой мисс Тейлор и будет, я убежден, ощущать ее отсутствие гораздо более, нежели ей кажется.

Эмма отвернулась, улыбаясь сквозь слезы.

— Невозможно, чтобы Эмма не ощущала отсутствие такого друга, — сказал мистер Найтли. — Этого нельзя предположить, сэр, иначе мы бы ее не любили так, но ей известно, как много значит этот брак для блага мисс Тейлор, сколь отрадно в ее лета зажить собственным домом, сколь важно быть покойной за свою будущность, обеспеченную достатком, — и, зная это, она не дозволит печали возобладать над радостью. Всякий друг мисс Тейлор должен радоваться, что она так удачно вышла замуж.

— Вы позабыли, что у меня есть еще одна причина быть довольной, — сказала Эмма, — и немаловажная, — то, что я сосватала их сама. Я их прочила друг за друга еще четыре года назад, и то, что я оказалась права и этот брак состоялся, когда все кругом твердили, что мистер Уэстон ни за что больше не женится, может служить мне достаточным утешением.

Мистер Найтли покачал головой.

— Ах, душа моя, — любовно возразил дочери мистер Вудхаус, — хорошо бы ты не занималась сватовством да пророчеством, а то прямо беда: что ни напророчишь, то все сбывается. Сделай милость, не устраивай больше браков.

— Для себя не буду, папа, обещаю вам, но для других, право, обязана. Нет в мире занятия веселее! И посмотрите, каков успех! Все говорили, что мистер Уэстон никогда не женится вторично. Ни в коем случае! Мистер Уэстон, который так долго прожил вдовцом и великолепно обходился без жены, постоянно занятый либо делами в городе, либо здесь, в кругу друзей, радушно принимаемый всюду, куда бы он ни пожаловал, всегда в прекрасном расположении духа — мистер Уэстон, которому нет ни малейшей нужды проводить в одиночестве хоть единый вечер в году? Помилуйте, конечно нет! Мистер Уэстон ни за что не женится снова. Поговаривали даже о некоем обещании, данном им жене, когда та лежала на смертном одре, а другие говорили, что ему не дадут жениться сын и его дядя. Какого только не болтали напыщенного вздора об этом предмете — но я ничему не верила. С того дня — тому будет года четыре, — как он повстречался нам с мисс Тейлор на Бродвей-лейн и, когда стал накрапывать дождь, с такой галантностью устремился к фермеру Митчеллу раздобыть для нас зонтики, все было для меня решено. С того самого часа я замыслила устроить этот брак, и можно ли полагать, милый папа, что я откажусь заниматься сватовством, если мне в этом случае сопутствовал такой успех!

— Успех? — сказал мистер Найтли. — Не понимаю, отчего вы выбрали это слово. Успех предполагает усилия. Ежели вы и вправду отдали последние четыре года усилиям по устройству этого брака, то это было проделано до чрезвычайности осторожно и тонко. Достойное занятие уму молодой девицы! Но ежели, как я склонен подозревать, устройство этого брака, прибегая к вашему выражению,

состояло лишь в том, что вы его замыслили, что в минуту праздности сказали себе: «А славно было бы, я думаю, для мисс Тейлор, если бы мистер Уэстон женился на ней», — и после повторяли это себе время от времени, — тогда зачем вы толкуете об успехе? В чем ваша заслуга? Чем вам тщеславиться? Вас осенила удачная догадка, и больше тут говорить не о чем.

— А вам ни разу не доводилось изведать сладость и торжество удачной догадки? Мне жаль вас. Я полагала, что вы более проницательны, ибо, поверьте, для удачной догадки одной лишь удачи мало. Для этого всегда потребна доля таланта. Что же до злосчастного слова «успех», на которое вы нападаете, то я не уверена, что вовсе не имею права употреблять его. Вы живописно изобразили две картинки: «все» и «ничего», но, по-моему, возможна и третья: «нечто среднее». Когда бы я не приглашала сюда мистера Уэстона с таким усердием, не выказывала ему так часто маленьких знаков поощрения, не сглаживала маленьких шероховатостей, то, быть может, ничего бы и не вышло. Вам, который досконально изучил Хартфилд, это должно быть ясно, я думаю.

— Когда речь идет о столь прямодушном, искреннем мужчине, как Уэстон, и здравомыслящей, далекой от жеманства женщине, как мисс Тейлор, им можно со спокойной совестью предоставить самим устраивать свои дела. Вашим вмешательством вы, по всей вероятности, принесли более вреда себе, нежели пользы им.

— Эмма никогда не подумает о себе, если видит возможность принести пользу другому, — вставил словечко мистер Вудхаус, лишь отчасти улавливая смысл разговора. — Но, милочка, заклинаю тебя, не занимайся ты больше сватовством, эти браки — пустое дело, а для семейного круга они сплошной урон.

— Еще один только раз, папа, — только для мистера Элтона. Бедный мистер Элтон! Он вам нравится, правда, папа? И я должна подыскать для него жену. В Хайбери нет

такой, которая была бы его достойна, — между тем он здесь уже целый год и отделал свой дом с таким удобством, что грех оставлять его долее в холостяцком положении, — нынче, когда он соединял руки молодых¹, очень было похоже, что он не прочь, чтоб и ему самому оказали подобную услугу! Я очень хорошо отношусь к мистеру Элтону и не имею иного способа сослужить ему.

— Мистер Элтон очень милый молодой человек, правда твоя, весьма достойный молодой человек, и я душевно к нему расположен. Но если ты желаешь оказать ему внимание, душа моя, то лучше попроси его когда-нибудь к нам отобедать. Так-то оно будет много лучше. Смее надеяться, что и мистер Найтли любезно согласится составить ему компанию.

— Охотно, сэръ, в любое время и с превеликим удовольствием, — отозвался, смеясь, мистер Найтли. — Совершенно с вами согласен, так будет много лучше. Приглашайте его обедать, Эмма, потчуйте отборною рыбой и птицей, но предоставьте ему самому выбрать себе жену. Будьте покойны, мужчина в двадцать шесть или двадцать семь лет от роду умеет позаботиться о себе сам.

Глава 2

Мистер Уэстон был уроженец Хайбери и происходил из почтенного семейства, которое за последние сто лет понемногу возвысилось из низов до благородного и имущего сословия. Он получил хорошее образование, но, унаследовав смолodu небольшие деньги, проникся нерасположением к более обыденным занятиям, коим посвятили себя его братья, и, влекомый живым, деятельным

¹ Будучи приходским священником, мистер Элтон совершал свадебный обряд над мистером Уэстоном и мисс Тейлор.

умом и общительною натурой, вступил в ряды сформированной в ту пору милиции¹ своего графства.

Капитан Уэстон был всеобщий любимец, и, когда превратности военной жизни свели его с мисс Черчилл, принадлежавшей к одной из знатнейших фамилий Йоркшира, и мисс Черчилл в него влюбилась, это никого не удивило, кроме ее брата с женою, которые никогда его не видели, но исполнены были гордыни и сознания своей значительности, каковые не могло не оскорбить подобное родство.

Мисс Черчилл, однако, будучи в совершенных годах и полновластно распоряжаясь своим состоянием — никоим образом, правда, не соизмеримым с фамильными богатствами, которыми владело ее семейство, — упрямо не поддавалась на уговоры, и замужество состоялось, к безмерному унижению мистера и миссис Черчилл, которые, соблюдая для видимости должное благоприличие, порвали всякие отношения с нею. То был неудачный союз, он никому не принес счастья. Миссис Уэстон следовало бы найти в нем для себя больше хорошего, так как ей достался муж, который, по чистоте сердечной и щедрости натуры, рад был отдать ей что угодно за великую милость быть ею любимым; но она хотя и обладала характером, однако не самым лучшим. Ей хватило духу настоять на своем вопреки воле брата, но недоставало решимости удержаться от безрассудных сожалений о безрассудном братнем гневе и от тоски по роскоши, окружавшей ее дома. Они жили не по средствам, и все-таки в сравнении с Энскумом это было ничто; она не разлюбила мужа, но ей хотелось быть в одно и то же время и женою капитана Уэстона, и мисс Черчилл из имения Энскум.

Капитан Уэстон, который, как считали все, а в особенности Черчиллы, составил столь бесподобную партию, понес от нее в конечном счете наибольший урон, ибо когда

¹ Милиция — территориальные войска Англии, которые не выводились за пределы страны и формировались во время войн или внутренних волнений.

жена его, после трех лет замужества, умерла, он оказался заметно беднее, чем вначале, и к тому же с ребенком на руках. Впрочем, от расходов по содержанию ребенка он в скором времени был избавлен. Мальчик сделался причиною худого ли, доброго ли, но примирения, коему, в качестве обстоятельства, смягчающего сердца, способствовала и долгая болезнь его матери: мистер и миссис Черчилл, не имея своих детей, ни другого юного существа, равно близкого им по родству, вызвались вскоре после ее кончины полностью взять на себя заботу о маленьком Фрэнке. Можно предположить, что вдовый отец его испытал сомнения и неохоту, однако соображения иного порядка взяли верх, и он вручил дитя попечениям богачей Черчиллов; сам же отныне должен был тревожиться только о собственном благополучии и думать о том, как поправить свое состояние.

Ему настала пора круто переменить свою жизнь. Он решил покинуть милицию и заняться торговлей, благо его братья успели хорошо зарекомендовать себя на этом поприще в Лондоне и ему не замедлила представиться удачная возможность начать. Дела по службе обременяли его как раз в меру. Он по-прежнему владел маленьким домиком в Хайбери, где и проводил большую часть дни досуга, и, деля свое время меж полезной работой и приятным обществом, беспечально прожил следующие восемнадцать или двадцать лет. За этот срок он обеспечил себя изрядным достатком — таким, что мог позволить себе приобрести примыкающее к Хайбери именье, давний предмет его вожделений, позволить себе взять в жены такую невесту, как мисс Тейлор, без гроша за душою, — одним словом, жить сообразно влечениям своей дружелюбной и общительной натуры.

Влияние мисс Тейлор на его планы начало ощущаться довольно давно, но не то тираническое влияние, которое молодость оказывает на молодость, — оно не ослабило в нем решимости зажить семейной жизнью не ранее, нежели он сможет приобрести Рэндалс, хотя до продажи

Рэндалса оставалось далеко; он твердо следовал своим путем, не теряя из виду этой цели, и наконец достиг ее. Он нажил себе такое состояние, купил такой дом, завел такую жену, которых желал, и новый период существования обещал ему больше счастья, чем любой из пережитых дотоле. Он никогда не бывал несчастлив: от этого, даже во времена первого брака, его уберегал склад характера, однако теперь, во втором браке, ему предстояло изведать, сколь усладительно общество женщины благомыслящей, неподдельно добросердечной, обрести приятнейшее свидетельство тому, насколько лучше, когда вы выбираете, а не вас выбирают; когда вы не испытываете чувство благодарности, а сами внушаете его другим.

Ему не было нужды угождать своим выбором никому, кроме себя, он один был хозяин своему состоянию, — что до Фрэнка, то его не просто воспитывали, молчаливо подразумевая, что готовят в наследники дядюшке, но усыновили открыто и гласно: ему предстояло, достигнув совершеннолетия, взять себе фамилию Черчилл, а потому представлялось более чем сомнительным, чтобы ему когда-либо могла потребоваться отцовская помощь. Отец его не имел подобных опасений. Тетка Фрэнка была особа с прихотями и безраздельно управляла супругом, но мистер Уэстон по природе своей был не способен вообразить, чтобы из прихоти, пусть даже самой сильной, можно было причинить ущерб тому, кто столь дорог, — и дорог, полагал он, столь заслуженно. Он каждый год виделся с сыном в Лондоне, гордился им и неизменно отзывался о нем с похвалою, как о превосходном молодом человеке, вследствие чего своеобразная гордость за него сообщилась также и обитателям Хайбери. К нему относились как к одному из своих, что делало его достоинства и виды на будущее отчасти предметом общей заботы.

Мистер Фрэнк Черчилл был для Хайбери своего рода местной достопримечательностью; все сгорали от нетерпе-

ния поглядеть на него, хотя он сам, как видно, вовсе не думал отвечать тем же, ибо ни разу за всю жизнь не побывал здесь. Нередко возникали толки, что он придет навестить отца, однако этого до сих пор так и не произошло.

Теперь, когда отец его женился, все сходились на том, что такой визит был бы как нельзя более уместным изъяснением сыновнего внимания. Сидела ли миссис Перри за чаем у миссис и мисс Бейтс, приходили ли эти последние, в свой черед, почаевничать к миссис Перри, ни единый голос не раздавался в противоречие этому. Мистеру Фрэнку Черчиллу было самое время появиться среди них, и надежда на это окрепла, когда прошел слух, что он написал к своей новоявленной матушке по случаю ее свадьбы. Несколько дней кряду, кто бы в Хайбери к кому ни пришел, в разговоре непременно упоминалось милое письмо, полученное миссис Уэстон. «Вы, верно, слышали, какое милое письмо написал миссис Уэстон мистер Фрэнк Черчилл? В самом деле премилое письмо, сколько я понимаю. Мне сказывал о нем мистер Вудхаус. Он читал его и говорит, что такого милого письма в жизни не читывал».

Письмо и вправду было дорогим подарком. У миссис Уэстон, разумеется, и без того составилось о молодом человеке наилучшее представление, а этот красивый знак внимания был несомненным доказательством его недюжинного здравомыслия и счастливо дополнял собою добрые пожелания и поздравления, которые она получила к свадьбе. Она считала себя редкостною счастливницей и, имея за плечами довольно лет, понимала, какую счастливницей может по справедливости казаться другим, а если о чем и сожалела, то о том лишь, что частично разлучена с дорогими друзьями, чье дружество к ней не охладевало никогда и которым тяжело было расстаться с нею.

Она знала, что по временам ее должно недоставать в их доме, и не могла без сердечной боли подумать, что своим отсутствием отняла у Эммы хотя бы одно удовольствие,

прибавила хотя бы единый час тоскливой скуки, — а впрочем, ее милая Эмма была не из слабодушных, ей по плечу было справиться с трудностями, перед которыми иная на ее месте спасовала бы; можно было смело рассчитывать, что ум, энергия и сила духа помогут ей благополучно перенести маленькие тяготы и утраты нового ее положения. И потом, какая удача, что от Рэндалса до Хартфилда рукой подать — ей или Эмме ничего не стоит прогуляться туда и обратно даже без провожатых, — какая удача, что у мистера Уэстона столь покладистый нрав и отменные обстоятельства и даже наступление зимы не помешает им проводить вместе каждый второй вечер.

Вообще говоря, только изредка часы довольства и благодарности судьбе перемежались у миссис Уэстон минутами сожалений; ее довольство, более того, откровенная радость были столь уместны, столь очевидны, что Эмма, хотя и хорошо знала своего батюшку, подчас диву давалась, видя, что он по-прежнему может с жалостью отзываться о «бедной мисс Тейлор», когда они покидали Рэндалс, оставляя ее окруженной всяческим уютом и комфортом, либо она сама покидала их ввечеру, удаляясь в сопровождении своего приятного мужа к собственной карете. Не было случая, чтобы мистер Вудхаус при этом не молвил с тихим вздохом:

— Ах, бедная мисс Тейлор! Она так рада была бы остаться!

Мисс Тейлор уж не воротить было назад — а значит, по всей видимости, не устранить и причину жалеть ее, но все же по прошествии нескольких недель мистер Вудхаус испытал некоторое облегчение. Поток поздравлений иссяк, соседи не донимали его более изъявлениями радости в связи с событием столь горестным, а свадебный торт, стоивший ему таких огорчений, съеден был до крошки. Собственный его желудок не принимал сладкого и жирного, а допустить, что у других что-то может обстоять иначе, нежели у него, он не умел. То, что было нездорово для него, представлялось ему непригодным и для всех прочих,

и потому он горячо уговаривал жениха и невесту вовсе отказаться от свадебного торта, а когда это ни к чему не привело, с такою же горячностью старался воспрепятствовать тому, чтобы кто-либо отведал его. Он даже взял на себя труд испросить мнения о сем предмете у аптекаря¹, мистера Перри. Мистер Перри, человек понимающий, благовоспитанный, чьи постоянные визиты очень скрашивали мистеру Вудхаусу существование, будучи призван высказаться, не мог не признать (хотя и казался не весьма к тому расположен), что свадебный торт может в некоторых случаях — пожалуй, в большинстве случаев — действительно повредить здоровью, если, угощаясь им, не соблюдать меры. Заручась таковым мнением в поддержку своему собственному, мистер Вудхаус надеялся оказать влияние на всякого, кто посетит новобрачных, но торт, невзирая на это, продолжали все-таки поедать, и не было доброй душе его успокоения, покуда его не доели до последней крошки.

Бродили по Хайбери злостные слухи, что будто бы каждого из малолетних отпрысков мистера Перри видели с куском пресловутого торта в руках, но мистер Вудхаус решительно отказывался этому верить.

Глава 3

Мистер Вудхаус на свой лад не чуждался общества. Он очень любил, когда к нему приходили друзья и, по совокупности разных причин — таких, как старожительство в Хартфилде и прирожденное радушие, как богатство, и дом, и дочь, — мог большей частью регулировать дружественные визиты в пределах своего тесного кружка, как ему нравилось. Ни с одним семейством за пределами этого

¹ Аптекарь — здесь: медик, не имеющий университетского образования, практикующий в сельской местности. Он посещал больных и назначал лекарства.

кружка он не поддерживал особых сношений; беседы допоздна и многолюдные званые обеды внушали ему ужас, он мог водить близкое знакомство лишь с теми, кто соглашался навещать его на его собственных условиях. К счастью для него, в Хайбери — считая Рэндалс в том же церковном приходе и Донуэллское аббатство¹, имение мистера Найтли в соседнем, — таковые имелись во множестве. Частенько, уступая настояниям Эммы, он звал кого-нибудь из самых достойных, избранных, к обеду, но предпочитал собирать у себя друзей по вечерам, и редко выпадал такой вечер — разве что сам он, по недомоганию, мнил себя неспособным принять гостей, — чтобы ему недоставало партнеров за ломберным столом².

Неподдельная, испытанная привязанность приводила к нему в дом чету Уэстонов и мистера Найтли, что же до мистера Элтона, то можно было не сомневаться, что сей молодой человек, живя один и наскуча этим, не упустит лестную возможность променять в свободный вечерок пустое одиночество в своем доме на общество в изысканной гостиной мистера Вудхауса и на улыбки его прелестной дочери.

За этой компанией следовала другая, и в ней наиболее легки на подъем были миссис и мисс Бейтс, а также миссис Годдард — три дамы, почти всегда готовые откликнуться на приглашение в Хартфилд, — их привозили и отвозили столь часто, что мистер Вудхаус не усматривал в том ни малейшей тягости ни для Джеймса, ни для лошадей. Когда бы такое случалось всего раз в году, то сетованиям его не было бы конца.

¹ Аббатство — католический монастырь, принадлежащий монашескому ордену. В 1534 г. английский король Генрих VIII порывает с римской католической церковью и становится главой новой Англиканской церкви. Одним из следствий этого становится роспуск католических монастырей. Некоторые аббатства с прилегающими к ним землями были проданы частным лицам, перестроены и превратились в родовые гнезда. Поэтому имение мистера Найтли называется аббатством.

² Ломберный стол — стол для игры в карты, покрытый зеленым сукном.

Миссис Бейтс, вдова прежнего хайберийского викария¹, была глубокой старушкой и мало на что годилась, помимо чашки чая да партии в кадриль². Она жила с единственной дочерью крайне скромно, и все относились к ней с почтением и заботливостью, какие внушает безобидная старость в стесненных обстоятельствах. Дочь ее пользовалась популярностью чрезвычайно необычной для женщины, не обладающей ни молодостью, ни красотой, ни богатством, и притом незамужней. Дабы снискать себе всеобщее расположение, ничего худшего нельзя придумать, и добро бы недостающее возмещалось у мисс Бейтс умственным превосходством, понуждающим тех, кто невзлюбил ее, выказывать ей из робости внешнее уважение, — но нет. Она никогда не могла похвастаться ни женскою привлекательностью, ни большим умом. Молодые годы ее прошли не отмеченные ничем примечательным; зрелые посвящены были заботам о дряхлеющей матери и стараниям как-то сводить концы с концами при более чем скудных доходах. А между тем она была счастливою женщиной, — женщиной, которую никто не поминал иначе, как добром. Творило эти чудеса ее собственное доброе расположение к людям, ее умение довольствоваться малым — она всех любила, принимала к сердцу благо каждого, в каждом умела разглядеть хорошее, себя считала истинной избранницей судьбы, которая осыпала ее своими дарами, дав прекрасную мать, столько добрых друзей и соседей и дом, в котором есть все, что нужно. Простодушие и непритязательность, добрый нрав и благодарная натура располагали к ней всякого и не давали унывать ей самой. Она была изрядная любительница посудачить о разных пустяках, чем как нельзя более соответствовала вкусу мистера Вудхауса, для которого постоянно служила источником незначущих новостей и невинных сплетен.

¹ Викарий — здесь: приходской священник.

² Кадриль — здесь: разновидность карточной игры для четырех игроков.

Миссис Годдард содержала школу — не гимназию, не институт или иное высокоученное заведение, где, не жалея пустых и вычурных фраз, превозносят обучение, построенное на самоновейших принципах и новомодных системах, в коем гуманитарные познания сочетаются с правилами высокой нравственности и где учениц, за непомерную плату, корежат на все лады, отнимая у них здоровье и награждая взамен тщеславием, — но настоящую, без обмана, старомодную школу-пансион¹, где за умеренную плату можно приобрести умеренные знания, куда можно отослать с рук долой юную девицу понабраться кой-какого образования, не опасаясь, что она вернется назад кладезем учености. Пансион миссис Годдард пользовался доброю славой, и справедливо: климат Хайбери почитался целебным, миссис Годдард держала просторный дом и большой сад, кормила детей обильной и здоровой едою, летом не мешала им резвиться в саду, а зимой собственноручно оттирала им обмороженные щеки. Неудивительно, что в церковь ее сопровождали парами сорок юных воспитанниц. Это была женщина с простым лицом, по-матерински степенная, которая в молодые годы трудилась, не зная устали, и считала, что ей не грех теперь изредка побаловать себя чаепитием в гостях; многим обязанная в прошлом доброте мистера Вудхауса, она признавала за ним исключительное право вытребовать ее к себе из опрятной гостиной, увешанной вышивками пансионеров, и при случае не отказывалась выиграть или проиграть несколько шестипенсовых монет, сидя у его камина.

Таковы были дамы, которых Эмма могла очень часто собирать у себя и счастлива была, что может, хоть ей самой это ни в коей мере не возмещало отсутствия миссис Уэстон. Она радовалась, видя, что отец ее убогоустроен,

¹ Школа-пансион — закрытое учебно-воспитательное заведение, где ученики (пансионеры) постоянно проживают на протяжении обучения и обеспечиваются полным содержанием.

и не могла не хвалить себя, что столь славно всем распоряжается, однако под усыпительно размеренную беседу, которую вели ее достопочтенные гости, невольно ловила себя на мысли, что не зря со страхом рисовала себе долгие вечера без миссис Уэстон.

Однажды утром, когда она сидела в предвидении того, что и нынешний день завершится так же, ей принесли записку от миссис Годдард, в которой та со всевозможной почтительностью испрашивала позволения привести с собою мисс Смит, и ее просьба пришлась очень вовремя — эту мисс Смит, девицу семнадцати лет, Эмма хорошо знала в лицо и давно к ней приглядывалась с интересом, привлеченная ее красотой. В ответ последовало любезное приглашение, и мысль о предстоящем вечере уж не страшила более очаровательную хозяйку Хартфилда. Гарриет Смит была побочною дочерью, но чьей? Кто-то несколько лет назад поместил ее в школу миссис Годдард; кто-то возвысил ее недавно до положения пансионерки, живущей одним домом с хозяйкою пансиона¹. Вот и все, что было общеизвестно об ее истории. Она, кажется, не имела друзей, кроме тех, которыми обзавелась в Хайбери, и теперь только что вернулась из деревни, где продолжительное время гостила у прежних своих подруг по пансиону.

Она была очень недурна собой и обладала того рода красотой, которой в особенности восхищалась Эмма, — невысокого роста, пухленькая и белокурая, с ярким румянцем, молочно-белой кожей, голубенькими глазками и правильными чертами лица, хранящего удивительно ясное выражение. Ее манеры пленили Эмму не менее, чем ее наружность, и задолго до окончания вечера она исполнилась решимости продолжить это знакомство.

¹ Семья Гарриет Смит или ее неизвестный попечитель платят мисс Годдард за ее содержание, но не как за ученицу, а скорее как за гостью в пансионе или как за собственную воспитанницу хозяйки пансиона. Положение Гарриет в пансионе привилегированное.

Не сказать чтобы мисс Смит хоть единожды поразила ее в разговоре блеском ума, однако это не помешало Эмме найти ее чрезвычайно располагающей к себе — ни обременительной застенчивости, ни привычки отмалчиваться, — а между тем она была столь далека от навязчивости, столь прилично держалась на должном расстоянии, дышала такою признательностью за то, что допущена в Хартфилд, столь безыскусственно показывала, какое впечатление производит на нее обстановка, несравненно превосходящая своею изысканностью ту, к которой она привыкла, что все это изобличало в ней здравый смысл и заслуживало поощрения. А если так, то следовало оказать ей это поощрение. Нельзя, чтобы эти томные голубые взоры, чтобы все эти природные прелести расточались напрасно в низком обществе Хайбери и его окрестностей. Знакомства, которые у нее завязались здесь, не достойны ее. Те друзья, от которых она только что приехала, хотя и неплохие люди, но дружба с ними не может не быть для нее вредна. То было семейство по имени Мартин, хорошо известное Эмме по отзывам; они арендовали большую ферму у мистера Найтли и жили в Донуэллском приходе очень достойно — по всей видимости, мистер Найтли был о них высокого мнения, — но наверняка оставались при этом людьми грубыми, неотесанными и никак не годились в близкие друзья девушке, которой для полного совершенства недоставало лишь немного искушенности и лоска. Она сама обратит на нее внимание, разовьет ее способности, отвратит от дурного общества и введет в хорошее, образует ее суждения и манеры. Это будет увлекательное и, конечно же, доброе дело, в высшей степени подходящее ее положению, досугу и способностям.

Она была так занята своею гостьей, любуясь ее томными голубыми глазками, расспрашивая и слушая ее, а в промежутках вынашивая свои планы, что вечер, против обыкновения, пролетел, как одна минута, — стол уже накрыт был

для ужина, которым всегда завершались подобные встречи, и придвинут к огню, и кушанья готовы, а она и не заметила, хотя прежде, бывало, томилась в ожидании, когда для него настанет время. С готовностью, вызванной не одною только всегдашней слабостью к хвале, которой награждают умелую и заботливую хозяйку, — с неподдельным радушием и в восторге от мысли, которая посетила ее, Эмма принялась хлопотать за столом и, зная привычку своих гостей рано ложиться спать, а также их благовоспитанную сдержанность в обществе, с особым усердием потчевала их фрикасе¹ из цыплят и устрицами, запеченными в раковинах.

Бедный мистер Вудхаус, как обычно в подобных случаях, раздираем был противоречивыми чувствами. Он любил угощать друзей за своим столом, ибо таков был обычай его молодости, но уверенность, что ужинать не полезно, заставляла его морщиться при виде каждого нового блюда; из хлебосольства он счастлив был бы накормить гостей до отвала — из тревоги за их здоровье огорчался, видя, как они отдают должное его угощению.

Единственное, что он мог бы рекомендовать им со спокойной совестью, — это мисочку жидкой овсяной каши, вроде той, которая стояла перед ним самим, однако, глядя, как его гости преспокойно уплетают более лакомые яства, он довольствовался замечаниями, вроде:

— Мисс Бейтс, я рекомендовал бы вам отведать яичко. От яйца всмятку не может быть большого вреда. Никто так не умеет сварить яйцо, как наш Сэрли, я никогда не предложил бы вам яйцо, сваренное не им... Да вы не бойтесь — видите, какие они мелкие, — одно маленькое яичко, это не беда. Мисс Бейтс, если позволите, Эмма отрежет вам кусочек сладкого пирожка — *совсем крошечный*. У нас пекут пироги только со свежими яблоками, можете не опасаться.

¹ Фрикасе (от *фр.* fricassée — «жарить, тушить») — блюдо из молодого, нежного мяса, приготовленного в соусе.

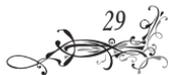
Все, что заготовлено впрок, нездорово. Крем? Не советую. Миссис Годдард, полрюмочки вина — что вы скажете? *Меньше* половины, а остальное дольем водой? Я полагаю, от такой малости здоровье ваше не пострадает.

Эмма не мешала отцу говорить, а сама тем временем подкладывала и подливала гостям щедрой рукою; в этот вечер ей было как никогда приятно доставить им удовольствие. В отношении мисс Смит это вполне ей удалось. Мисс Вудхаус была в Хайбери такую важной персоной, что перспектива быть представленной ей вызвала в душе мисс Смит столько же смятения, сколько радости, — но, покидая ее дом, маленькая смиренница была наверху блаженства, исполненная благодарности к мисс Вудхаус, которая так обласкала ее в этот вечер и даже пожала ей руку на прощанье!

Глава 4

В скором времени Гарриет Смит сделалась в Хартфилде своим человеком. Эмма, быстрая и решительная по природе, без отлагательства начала приглашать ее и приваживать, поощряя ее приходить чаще, и, по мере того как укреплялось их знакомство, возрастала и обоюдная приязнь. Сколь полезной может оказаться мисс Смит как спутница во время прогулок, Эмма предвидела с самого начала. В этом отношении утрата миссис Уэстон весьма была заметна. Родитель Эммы никогда не заживал далее аллеи парка, которого ближняя или дальняя половина, смотря по времени года, служила ему границею прогулки, и Эмме после замужества мисс Тейлор очень недоставало моциона¹. Она отважилась как-то предпринять одну вылазку в Рэндалс, но нашла это неприятным, и в такой подруге, как Гарриет Смит, которую

¹ Моцион (от *лат.* motio «движение») — прогулка на свежем воздухе для укрепления здоровья или для отдыха.

в любое время можно позвать на прогулку, видела ценное для себя приобретение. Впрочем, и во всех других отношениях чем ближе она узнавала ее, тем более одобряла и тем прочнее утверждалась в своих добродетельных замыслах.

Гарриет определенно не отличалась большим умом, но зато обладала легким, покладистым, благодарным нравом, не знала, что такое тщеславие, и с готовностью подчинялась руководству того, которого почитала выше себя. Привязанность ее к Эмме с первых же дней внушала умиление, а ее склонность к хорошему обществу, умение достойно оценить изящество и изощренность в других выдавали хороший вкус, хотя напрасно было бы ждать глубины и тонкости от нее самой. Словом, Эмма не сомневалась, что Гарриет Смит и есть та наперсница, которая ей надобна, — то самое, чего недостает ей в доме. Не миссис Уэстон, разумеется, — об этом не могло быть и речи. Второй такой было не найти. Второй такой Эмма и не желала. То стояло особняком — то было чувство неповторимое, единственное. Миссис Уэстон была предметом любви, возвращенной благодарностью и уважением. Гарриет будет дорога тем, что ей можно принести пользу. Для миссис Уэстон ничего нельзя было сделать; для Гарриет можно было сделать все.

Первые усилия Эммы принести пользу состояли в попытке установить, кто родители Гарриет, однако ей не удалось добиться толку. Гарриет рада была бы сообщить все, что может, но расспросы в этом случае оказались тщетны. Эмме оставалось воображать что угодно — она только не могла не думать, что *сама* в подобных обстоятельствах непременно выведала бы правду. Гарриет не отличалась пылкостью. Она довольствовалась тем, что почитала нужным сказать ей миссис Годдард — она слушала, верила и не задавалась вопросами.

Миссис Годдард, учительницы, пансионерки, вообще школьные дела занимали, естественно, большое место в ее разговоре — и заполнили бы его без остатка, когда бы

не знакомое ей семейство Мартинов с фермы Эбби-Милл. К Мартинам мысли ее обращались постоянно; она провела у них два безоблачных месяца и любила рассказывать, какие удовольствия получила за это время и каких прелестей и чудес насмотрелась на ферме. Эмма поощряла ее словоохотливость — ее развлекали эти картинки иной жизни и занимала юная простота, способная с таким жаром рассказывать, что у миссис Мартин в доме «две залы, отличнейшие залы — одна, право же, не уступает величиною гостиной миссис Годдard, и она держит экономку, которая живет у нее целых двадцать пять лет, а коров у них восемь, среди них две олдернейской породы и одна валлийской¹, прехорошенькая коровка, и миссис Мартин сказала, что раз ей так приглянулась эта коровушка, то ее следует называть отныне *ее* коровушкой, а в саду у них красивая беседка, и в будущем году все они как-нибудь пойдут туда пить чай, ужасно красивенькая беседка, и в ней без труда могут поместиться десять человек».

Некоторое время Эмма предавалась своему развлечению, не задумываясь о том, что стоит за каждую фразу, но, получая все более полное представление о семействе Мартинов, мало-помалу прониклась новым чувством. Ей казалось, что на ферме живут мать с дочерью, сын и его жена, но когда выяснилось, что мистер Мартин, который непременно присутствовал в рассказах и упоминался всякий раз с похвалою за добродетель, явленную в том или ином поступке, — что этот мистер Мартин холост и что молодой миссис Мартин, жены его, не существует, тогда заподозрила Эмма, чем угрожает бедняжке Гарриет все это гостеприимство и радушие, — и поняла, что если не взять ее под свою защиту, то ей не миновать уронить себя невозвратно.

¹ Олдернейская — молочная порода коров, происходящих с Олдерни, одного из Нормандских островов, принадлежащих Великобритании и располагающихся в проливе Ла-Манш. Олдернейские коровы славились своим обильным удоом и очень жирным молоком. Валлийская — происходящая из Уэльса, одной из частей Великобритании.

Одушевленная этою мыслью, она умножила число своих вопросов и углубила их, с умыслом побуждая Гарриет больше говорить о мистере Мартине, что явно не вызвало сопротивления. Гарриет с великой охотою рассказывала о том, как он участвовал в прогулках при луне и веселых играх по вечерам, не забывая отмечать, сколь он приветлив и любезен. Однажды изъездил три мили вокруг, чтобы добыть ей грецких орехов, потому что она обмолвилась, как любит их, — да и во всем прочем он неизменно так был услужлив! Как-то вечером он позвал в залу сына своего пастуха затем лишь, чтобы мальчик пел для нее. Она ужасно как любит пение. Он и сам недурно поет. Вообще он, кажется, умеет и понимает все на свете. Овцы у него отборные — в бытность ее на ферме никому в округе не предлагали такую высокую цену за шерсть, как ему. Ни от кого не слыхала она о нем ничего, кроме хорошего. Мать и сестры души в нем не чают. Миссис Мартин однажды сказала ей — говоря это, Гарриет зарделась, — что лучшего сына и вообразить невозможно и она уверена, что он станет примерным супругом, когда женится. Она, впрочем, вовсе не жаждет, чтобы он женился. Торопиться незачем.

«Ловко, миссис Мартин! — подумала Эмма. — Вы свое дело знаете».

А когда она уезжала, то миссис Мартин была столь добра, что послала миссис Годдард отменного гуся — миссис Годдард в жизни не видывала такого славного гуся! Она изжарила его в воскресенье и пригласила к ужину всех трех учительниц — мисс Нэш, мисс Принс и мисс Ричардсон.

— Мистер Мартин, я полагаю, человек, не слишком сведущий в тех предметах, кои не входят в круг его занятий. Он не привержен к чтению?

— Ах, напротив! А впрочем, нет... не знаю... но, по-моему, он изрядно начитан — только в ваших глазах такого рода чтение мало что значит. Он читает «Земледельческие

ведомости» и другие книжки, сложенные на диванчике у окна, — *эти* он читает про себя. А по вечерам, прежде нежели нам садиться за карты, читает и вслух «Извлечения из изящной словесности» — чудо как интересно. «Век-филдского священника» он читал, я знаю, а такие книжки, как «Лесной роман» и «Дети аббатства», — нет. Про эти книги он и не слыхивал, покуда я не помянула их, но теперь непременно постарается раздобыть их как можно скорее.

Следующий вопрос был:

— А каков он собою, этот мистер Мартин?

— Ах, не красавец — ничуть не бывало! Вначале он показался мне страх как неказист, но теперь таковым не кажется. Это, вы знаете, со временем проходит. Но разве вы не видели его? Он то и дело наведывается в Хайбери, а каждую неделю непременно проезжает мимо по дороге в Кингстон. Вы много раз ему встречались по пути.

— Да, возможно, — и может статься, сама видела его сто раз, не имея понятия, как его зовут. Молодой фермер, будь он конный или пеший, — не тот человек, который способен возбудить во мне любопытство. Крестьяне средней руки¹ — это сословие, с которым у меня не может быть ничего общего. Почтенный селянин ступенькой-другую ниже мог бы еще привлечь мой интерес, его семейству можно было бы надеяться принести ту или иную пользу. Фермер же нисколько не нуждается в моей помощи и потому стоит в одном смысле чересчур высоко, а во всяком ином — слишком низко для моего внимания.

— Это верно. Да, вы едва ли могли его заметить, но он-то знает вас прекрасно — со стороны, я хочу сказать.

— Не сомневаюсь, что он весьма порядочный молодой человек. Более того, я доподлинно знаю это и потому желаю ему добра. Как вы думаете, сколько ему лет?

¹ Крестьяне средней руки — здесь: фермеры, владеющие собственной землей, а не арендующие ее у землевладельцев, и обрабатывающие ее.

Літературно-художнє видання

ОСТИН Джейн

Емма

(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Художній редактор *А. В. Ачкасова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 14.08.2018. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Mysl». Ум. друк. арк. 26,88. Наклад 5000 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, м. Харків, вул. Різдвяна, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

ОСТИН Джейн

Эмма

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Художественный редактор *А. В. Ачкасова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 14.08.2018. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Mysl». Усл. печ. л. 26,88. Тираж 5000 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Київ

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Емма ніколи не терпіла нестатків. Вона молода і красива, заможна та освічена. У неї є все, про що можна тільки мріяти: становище у суспільстві, люблячий батько, чудовий затишний дім, солідний посаг. Ось тільки чоловіка немає... Але дівчина не квапиться зв'язувати себе подружніми узами, вважаючи за краще влаштувати долі подруг і приятельок, немов чарівний купідон, що єднає серця. Поринувши з головою в чуже особисте життя, Емма не помітила, що в неї закохався той, про кого вона навіть не мріяла...

Остин Дж.

О-76 Эмма / Джейн Остин ; пер. с англ. М. Кан. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. — 512 с.

ISBN 978-617-12-4987-5

Эмма никогда ни в чем не нуждалась. Она молода и красива, не бедна и образованна. У нее есть все, о чем можно мечтать: положение в обществе, любящий отец, прекрасный уютный дом, завидное приданое. Вот только мужа нет... Но девушка не торопится связать себя узами брака, предпочитая устраивать судьбы подруг и приятельниц, словно прелестный купидон, соединяющий сердца. Окунувшись с головой в чужую личную жизнь, Эмма не заметила, что в нее влюбился человек, о котором она и не мечтала...

УДК 821.111